

**ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
НА КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РЕПАТРИАНТОВ
ИЗ СТРАН СНГ В ИЗРАИЛЕ**

Овладение ивритом – одна из важнейших проблем репатриантов. С одной стороны, проблема языка является глубоко психологической, с другой стороны, язык тесно связан с национальной самоидентификацией личности, и отношение к нему формируется под влиянием идеологических, социальных, политических факторов. Понятия “язык”, “нация”, “культура” представляют собой неразрывную триаду, в которой язык выступает фактором идентификации национального самосознания.

Возрождение и модернизация иврита – предмет национальной гордости не только израильтян, но и всего еврейства. Можно даже говорить о некоторой мифологизации процесса изучения и овладения ивритом. Так, одна из распространенных мифологем гласит, что репатрианты не изучают язык, а вспоминают его, что нельзя называть иврит вторым языком, поскольку это национальный язык и, соответственно, он должен быть родным. В связи с этим, отношение к первому языку вырастает в проблему: следует ли его считать родным или необходимо отказаться от него, забыть, как это предписывает сионистская идеология [Бен-Рафаэль 2002]. Такое отношение к ивриту не случайно. Усилия по возрождению иврита стали главным идеологическим лозунгом периода строительства государства Израиль, однако они всегда оставались частью большой идеологической системы, оправдывающей скромную лингвистическую задачу. Такая идеология требовала напряженного труда от каждого человека, реализации целого комплекса задач, затрагивающих всю личность целиком [Харшав 2008, 207].

Цель нашей статьи – определить некоторые социальные и психологические механизмы взаимоотношения между родным языком репатриантов из стран СНГ и вновь приобретенной языковой компетенцией в иврите.

С начала основания первых еврейских поселений в Палестине иврит развивался как основной язык израильского общества и израильского народа. Однако каждый шестой израильтянин в течение первых десятилетий строительства государства (с 1949 по 1969) использовал другой язык: арабский (2,6 %), идиш (2,7 %), русский (2,1 %), румынский (1,9 %), венгерский (1,8 %) [Ben-Rafael 1994]. Подобная ситуация стала следствием многих факторов. Во-первых, для подавляющего большинства евреев было вполне естественно владеть несколькими языками – мишнаитским ивритом, идишем, языком титульной нации, того государства, в котором они проживали до репатриации. Во-вторых, в период Первой и Второй алии далеко не все владели ивритом в той степени, когда можно было бы говорить о достаточной коммуникативной компетенции. Дети в Палестине изучали французский, а также арабский и турецкий, и не вполне известно, как иврит соотносился с этими языками. В любом случае даже ученики, хорошо овладевшие ивритом в школе, не использовали его постоянно за ее пределами. Из всех собранных источников ясно следует, что если иврит и использовался группами молодых людей за пределами школы, то лишь иногда. В 1904 г. Шломо Цемах отметил: “Многие в Эрец Израэль знают иврит, но почти никто не использует его для повседневных нужд, и вопрос состоит в том, как превратить знающих иврит в говорящих на иврите” [Tsemakh 1965, 122].

Иврит становится языком, дающим возможность полностью приобщиться к доминирующей в Израиле культурной модели. Он необходим для социальной, культурной, экономической абсорбции. Иврит стал связующим звеном, необходимым для создания единого политического, социального, экономического и культурного пространства. У евреев не было недавней истории в Палестине, и иврит был первой “археологической находкой”, связывавшей иммигрантов с Библией и библейской землей. Действительно, объединение диаспор со всего мира, закрепленное сионистской идеологией, могло привести к успеху только на иврите.

Многие репатрианты, прибывшие из Восточной Европы после Второй мировой войны, уже владели несколькими языками. У большинства из них первым языком был идиш, вторым – рус-

ский, польский, немецкий или итальянский. Именно этими языками чаще всего пользовались ашкеназские евреи. Их дети (второе поколение), рожденные в Израиле или приехавшие в раннем возрасте, продолжали использовать в коммуникации один или несколько языков своих родителей и получили образование на иврите. И только в третьем поколении начинает преобладать иврит. Внуки тех, кто приехал в Израиль в 20–50-е годы XX столетия, продолжают использовать один из языков их бабушек и дедушек. Нарушается языковая гомогенность семей, часто родители и дети имеют компетенцию в разных языках. При этом приобретение языковой компетенции в иврите взрослыми иммигрантами сопровождается их приверженностью к использованию языков диаспоры.

Израильские исследователи Э. Бэн-Рафаэль, Н. Хеймец изучили отношение русскоязычных евреев к языку их происхождения параллельно с отношением к языку нового общества. Итоги исследования показали сложную картину: евреи из стран СНГ в Израиле мотивируют избрание новой национальной тождественности как недостаточное. 72 % опрошенных подчеркивают, что ивритизация связывает прошлое диаспоры с израильской действительностью, 19 % опрошенных на первое место ставят еврейскую идентичность и 9 % – русскую [Kheimets 2001, 5].

Другое исследование, проведенное Б. Котик и Е. Олштейн в 1998 году, также подчеркнуло высокую ценность русского языка во всех группах иммигрантов из бывшего СССР, независимо от их отношения к ивриту. Б. Котик и Е. Олштейн сделали вывод, идентичный выводу Э. Бэн-Рафаэля и К. Гейджеста, – пока курс на русский язык не изменят сами иммигранты, иврит не сможет занять место ведущего языка страны. Однако в этот период престижность русского языка обусловлена не только социальными, но и культурными причинами.

Анализ современной социальной парадигмы вторичных языковых средств, дает возможность отметить, что среди детей, родившихся уже в Израиле, тенденция формирования иврит-английского (иврит-русского, иврит-французского) билингвизма в целом присуща всем этнокультурным группам израильских граждан.

Социальная парадигма вторичных языковых средств в Израиле представлена различными по статусу языковыми группами:

- 1 – языки высокого статуса – английский и французский;
- 2 – языки среднего статуса – русский;
- 3 – языки низкого статуса – арабский и идиш [Ben-Rafael 1994].

Такая парадигма построена на различной социальной организации языкового поведения различных израильских общностей и классов, этнических, религиозных, национальных групп. Следует также отметить тот факт, что с началом “большой алии” из СССР с начала 90-х годов статус русского языка существенно поднялся, и сегодня он уже приближается к языкам высокого статуса.

Динамику лингвистических ресурсов и престиж того или иного языка определяет статус культур носителей языка и символический статус самого языка во взаимодействии с другими языками. И эта динамика с течением времени меняется. Анализ социальной динамики вторичных языковых средств и их положение на языковом рынке зависят не только от наличия престижного маркера языка, но и от социально-экономических, политических, культурных факторов. Так, в 1961 году 67,7 % еврейского населения Израиля определили иврит как основной язык, в 1972 – 76,7 %, в 1983 – уже 82,9 %. Кроме иврита, в качестве второго языка были указаны:

Таблица 1. Языки повседневного общения среди людей старше 15 лет (%)

	1961	1972	1983
Арабский	26,6	22,1	15,9
Идиш	24,0	19,5	15,1
Русский	–	3,5	12,1
Английский	1,6	5,0	8,5
Испанский	5,4	6,7	6,0
Французский	5,3	7,5	5,8
Немецкий	6,7	6,3	4,7
Венгерский	4,8	4,9	4,7

Источник: Statistical Abstract of Israel, 36 (CBS, 1985: 655).

Возраст и уровень образования играет немаловажную роль в изучении и отношении к новому языку.

Некоторые исследователи концентрируют свое внимание на интеротношениях доминирующего языка происхождения, с одной стороны, и иврита, с другой. Анализируя взаимоотношения русского и иврита, где английский рассматривается как язык международной коммуникации, можно предположить, что языковая модель иммигрантов в Израиле состоит как минимум из трех языков.

Лингвистическое поведение евреев-иммигрантов из бывшего СНГ базируется на высоком уровне лингвистического сознания: говорящие получают удовольствие от своего многоязычия. Отсюда возникает тенденция к развитию билингвизма и полилингвизма новых репатриантов. Эти понятия неразрывно связаны с понятием “языковая политика”. Причины, почему русские евреи в Израиле адаптировали данную идеологию, трудно идентифицировать. Хотя на наш взгляд, эти причины кроются не только в понятии “престижности языка”, но и в определенных этнических, культурных, социальных предпочтениях, а также психологически обусловленных фактах принятия/непринятия нового языка.

Носители доминантного языка, как правило, свободны в выборе того, какой язык учить, в то время как иммигранты должны овладеть языком большинства, чтобы достичь определенной социальной мобильности. Возможность сохранить язык страны исхода наряду с желанием иммигранта зависит как от языковой ситуации, так и от языковой политики. Евреи стран СНГ в стране исхода сохранили свою национальную идентичность, несмотря на антисемитизм и стремление интегрировать их в рамках “единой общности – советского народа”. Характер совместной идентификации израильско-советской еврейской интеллигенции сильно повлиял на их языковую индивидуальность [Бен-Рафаэль 2002]. Они также чувствительны к активным попыткам “абсорбировать” их в израильскую культуру. При этом, чем агрессивнее такие попытки, как запрет говорить на русском, тем сильнее сопротивление.

К понятию “языковая политика” относятся явные утверждения об использовании, как правило, языка в письменной форме. Это может быть законодатель, Министерство образования, руко-

водитель коллектива, требующий (или разрешающий) вести заседания или документацию на том или ином языке. Если следовать этому определению, можно отметить, что формальная языковая политика никогда не была существенной составляющей государственной политики в Израиле. И языковой вопрос никогда не переходил в сферу серьезных политических дебатов. В этом смысле единственным реально действующим носителем языковой политики является Министерство образования, поскольку формируемая им политика переводится на язык цифр, имеющих прямое влияние на языковую практику. Именно Министерство образования определяет кому, какие языки изучать, когда и сколько часов в неделю, на каких языках сдавать экзамены и т. д. Сам факт того, что только в 1995–1996 годах Министерство впервые сформулировало свою политику в области изучения языков и опубликовало соответствующий циркуляр, свидетельствует о том, что проблема использования доминантного и второго языка не была в числе приоритетных в Израиле. Скорее, существенные изменения в языковой ситуации потребовали от лидеров в политике образования определить и сформулировать свою позицию. Таким образом, формально отрицательное отношение к русскому языку никак не выражается, более того, вышеупомянутый циркуляр вводит его как один из языков, изучаемых в израильской школе в качестве второго или иностранного. Однако на бытовом уровне сказывается влияние идеологии, в прошлом отрицавшей использование языков диаспоры.

Особенность израильской языковой ситуации сегодня в том, что, с одной стороны, русскоязычная община составляет 15–20 % населения страны и естественным образом влияет на лингвосоциокультурную ситуацию, с другой, в позиции государства явно наблюдается отсутствие целенаправленной государственной языковой политики. Хотя процессы взаимодействия языков в Израиле, на наш взгляд, стоят достаточно остро. И эти процессы в большей степени влияют на развитие израильского иврита, чем может показаться на первый взгляд.

Русский язык в языковой ситуации Израиля играет сегодня достаточно существенную роль, несмотря на то, что положение русского языка нельзя рассматривать даже как положение второго языка. Большую популярность среди иностранных языков все

же занимает английский. Но и русский язык в течение первого десятилетия XX века существенно укрепил свои позиции в Израиле. Есть радиостанция РЭКА, вещающая преимущественно на русском языке. Благодаря кабельному телевидению русскоязычным израильтянам доступны четыре российских канала, в 2002 году открыт русскоязычный телеканал в Иерусалиме. В 2002 году создан первый израильский русскоязычный телевизионный канал. В периоды избирательных кампаний в борьбе за электорат не только партии, представляющие преимущественно интересы репатриантов, но и все другие политические силы распространяют агитационные материалы на русском языке. Большое влияние на повышение престижа русского языка в Израиле оказывает открытый в 2007 году русский культурный центр при посольстве России в Израиле.

Необходимо также отметить, что в настоящее время прослеживаются несколько иные тенденции в области применения и использования русского языка в Израиле.

По мнению Л. Глинерта, именно отсутствие централизованной языковой политики привело к такому уникальному проникновению языка иммигрантов, во всем многообразии его функций, в разные сферы жизни [Glinert 1995]. Сегодня во многих случаях в Израиле можно обойтись только русским языком: русскоязычные врачи, кассиры, продавцы – не редкость в Израиле. Количество газет и журналов на русском языке трудно сосчитать, так как многие из них недолговечны. В конце недели в одном из киосков в Иерусалиме мы насчитали 14 различных изданий на русском языке, и это не меньше, чем на иврите или английском. Происходит активное развитие израильских электронных СМИ на русском языке. Все это вместе плюс несколько русскоязычных театров и постоянные гастроли российских артистов позволяют говорить о том, что русскоязычные репатрианты могли бы составить отдельное культурное сообщество. Естественно, что подобные факты различны в соответствии с лингвогеографической ситуацией в Израиле: больше русскоговорящих израильтян в районах компактного проживания репатриантов из СНГ.

Нами были проведены исследования в 2002 году в нескольких районах компактного проживания русскоязычного населения. Небольшой город по соседству с Тель-Авивом, Бат-Ям,

представляет собой интересную социокультурную модель билингвальной ситуации. Такая ситуация представлена наличием нескольких этнических групп и функционированием нескольких языков как этнических маркеров этих групп. С одной стороны, это достаточно многочисленная этническая группа выходцев из Марокко, и с другой, не менее многочисленная – выходцев из СНГ. С началом массовой алии из СССР в начале 90-х годов Бат-Ям становится популярным среди русскоговорящих евреев из России, Украины, Белоруссии, Узбекистана. Большинство репатриантов – это люди с высшим образованием, имеющие престижные профессии. Их стремление адаптироваться в новой стране подкрепляется высокой мотивацией в изучении иврита. Представители среднего поколения проявляют стремление к приобретению высокого уровня компетенции в иврите, особенно в профессиональной сфере. В повседневном общении с друзьями, родственниками, в общественных местах, они, тем не менее, отдают предпочтение русскому языку. Причем бухарские и ашкеназские евреи общаются друг с другом также на русском языке.

Многие родители стремятся сохранить русский язык для своих детей, рожденных в Израиле. Семейное общение – преимущественно на русском языке, хотя между собой дети часто говорят на иврите. В общении с людьми, не владеющими русским языком, используют иврит (вне зависимости от этнической принадлежности последних). Однако на улицах и в общественных местах в Бат-Яме русская речь звучит очень часто.

В большинстве случаев необходимость в приобретении языковой компетенции в иврите является крайне необходимой для репатриантов 25–50 лет. Молодежь, так или иначе, будет вовлечена в ивритоязычную языковую среду (через образовательные учреждения, армию, общение со сверстниками). Репатрианты старшего возраста стремятся овладеть ивритом лишь в той степени, которая будет необходима для бытовых нужд (посещение врача, отделения банка, магазина и т. д.). Т. е. уровень их коммуникативной компетенции в иврите может быть обозначен как “уровень выживания”. Активные, трудоспособные иммигранты очень быстро понимают, что возможности их адаптации в новом обществе напрямую зависят от их уровня владения ивритом. Во многих случаях никакие бывшие заслуги, профессиональный и

интеллектуальный уровень не могут восполнить недостаточное владение ивритом. Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что понятие “уровень владения языком” остается достаточно расплывчатым и зависит, в основном, либо от личных установок индивида, либо от требований работодателя. И этот факт также негативно влияет на синхронические процессы развития современного иврита.

Иными, в отличие от родителей, являются языковые предпочтения детей, для которых иврит не был родным языком. Опрос, проведенный Б. Котик-Фридгут, затрагивал вопросы отношения к ивриту школьников в возрасте от 10 до 16 лет, срок репатриации из СНГ от 1 года до 6 лет (всего было опрошено 70 человек). Среди вопросов, направленных на оценку интегративных тенденций, представляется, что вопрос: “На каком языке ты бы хотел разговаривать со своими детьми?” – является критическим. Один из наиболее интересных результатов опроса состоит в том, что большинство подростков уверены, что будут говорить со своими детьми на иврите. Только 11,5 % подростков определено против русского, а 25 %, соответственно, против иврита в будущей семье. Эти результаты явно свидетельствуют об установке на двуязычие у большинства подростков и высокой значимости интегративных тенденций в мотивации к изучению языка.

В данном исследовании изучалась также корреляция между мотивацией к изучению иврита и эмоциональной оценкой понятия “Израиль”, чем выше оценка отношения к стране – тем выше мотивация к изучению языка (вывод, как нам кажется, вполне закономерный). При этом нет отрицательной корреляции между эмоциональными оценками понятий “русский язык” и “иврит”: высокая эмоциональная ценность родного языка характерна для всех опрошенных независимо от их отношения к ивриту. У части опрошенных (группа со средней мотивацией) мотивация к ивриту инструментальная, и они в дальнейшем будут склонны к культурной сепарации. Для этой группы характерно также ностальгическое отношение к стране исхода. Группа со слабой мотивацией и низкой эмоциональной оценкой Израиля и иврита смотрит назад ностальгически, и высокая эмоциональная оценка ее представителей характерна только по отношению к родному и иностранному языку [Котик-Фридгут 2001]. Данный вывод, на наш

взгляд, является достаточно показательным и для других возрастных групп, в частности иммигрантов 26–40 лет.

Современные подходы и дискуссии относительно мультикультурализма и культурного плюрализма исходят из принятия того факта, что определенная культурная идентификация неотъемлема для человеческой сути. Ассимиляционная идеология и связанная с этим политика “плавильного котла”, долгие годы активно пропагандировавшаяся в Израиле, исчерпала себя как несостоятельная, поскольку социальные эксперименты, ею инспирированные, не удались нигде. Из идеологии плюрализма вытекает политика интеграции. Понятие интеграции предполагает объединение различных групп в целостном обществе, без необходимости отказа от особенностей (этнических, национально-культурных) каждой группы. Более того, человечество начинает понимать, что различные культуры могут взаимно обогащать друг друга. Теория “плавильного котла” потеряла свою актуальность и в Израиле.

Данные некоторых исследований, а также проведенное нами анкетирование, свидетельствуют, что иммигранты из разных стран, не сохранившие язык своих родителей, воспринимают этот факт как личную потерю. Сохранение связей с семьей и культурой страны исхода позволяет человеку сохранить целостность личности. Очень сложно строить новое на руинах. Сегодня уже ясно, что более эффективным является стремление адаптировать или реконструировать культурно обусловленные привычки и традиции с новыми условиями существования.

Как отмечает Э. Бен-Рафаэль, каждый этнос, претендующий на сохранение своей культурной самобытности, бросает вызов доминирующей в израильском обществе коллективной идентификации, поскольку на коллективную ответственность перед израильским обществом накладываются обязательства перед конкретной этнической группой [Бен-Рафаэль 2002]. Именно поэтому языковая ситуация в Израиле такая сложная и не однозначная. И это естественным образом влияет на многие процессы как чисто лингвистические, так и социальные, культурные, этнические.

В заключении необходимо отметить, что исследование приверженности различных национально-этнических групп к использованию в общении второго, кроме национального, языка позволяет не только проанализировать специфику языковой ситуации, но и

попытаться дать прогноз синхронических изменений в современном иврите. Использование при таком подходе социолингвистического метода дает возможность сделать анализ более объективным и целенаправленным.

ЛИТЕРАТУРА

Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // **Общество и политика современного Израиля** / Под. ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. Москва – Иерусалим, 2002.

Котик-Фридгут Б. Мотивационно-аффективный комплекс в приобретении второго языка: русские репатрианты-подростки в Израиле // **Еврейское образование**. 2001. № 2.

Харшав Б. **Язык в революционное время**. Москва, 2008.

Ben-Rafael E. **Language, Identity and Social Division**. The Case of Israel. Oxford, 1994.

Glinert L. Inside the Language Planner`s Head: Tactical Responses to New Immigrants // **Journal of Multilingual and Multicultural Development**. 1995. 16 (5).

Kotik B., Olshtain E. **A Study of Individual Differences Related to Success in Second Language Acquisition**. Research Report to Israeli Ministry of Science. Tel-Aviv, 1998.

Kheimets N. **Dilemmas of sociolinguistic identity of the Russian Jewish intelligentsia in Israel: between state and labor market**. Hebrew University of Jerusalem. Department of English. 2001.

Olshtain E., Kotik B. The Development of Bilingualism in an Immigrant Community // **Language, Identity and Language Learning** // **TESOL Quarterly**. 2000.

Tsemakh S. [H] **Первый год**. Тель-Авив, 1965.